

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Обзор Г. Гуковского

I

Державин, величайший русский поэт XVIII столетия, заслуживает серьезного, в подлинном смысле научного полного издания его сочинений и тщательного изучения его литературного наследия. Между тем судьба Державинского творчества в русской науке была особенно печальна.

В отношении издательском стихотворениям Державина не повезло еще при жизни самого поэта.

Популярность Державина в его время была в значительной мере популярностью рукописного, полуподпольного поэта. При Екатерине, при Павле, даже при Александре I многие его стихотворения не были, да и не могли быть изданы. Написанные на злобу дня, полные намеков на сильных мира, намеков, нередко дерзких, такие стихотворения играли роль негласной прессы; они давали читателю и сатирический фельетон, и передовую статью. Они расходились по рукам, «носились в народе» в списках. Державин добился положения сановника, придворного (хотя он всегда был белой вороной в кругу «настоящих» вельмож), но он не был придворным поэтом. Он писал не только от лица массового мелкого дворянина, провинциального помещика, офицера, чиновника екатерининских «общественных» дворянских учреждений, но и для всех этих людей, не слишком грамотных, но активизированных правительственной политикой конца XVIII в. Он обращался к своему безымянному многочисленному читателю помимо официального контроля власти, и он позволял себе фрондерство, сатирические выпады, выражение недовольства той или иной стороной практики монархии. Поэзия в руках Державина становилась общественной силой, поскольку она стремилась организовать пропаганду свободы авторской личности в читательском массиве и поскольку она устанавливала непосредственные отношения взаимного понимания и доверия между писателем и поддерживающей его социальной группой вне зависимости от направления, которое хотело бы сообщить общественной идеологии правительство.

Державин, крепостник и реакционер, оказывается в двусмысленном положении по отношению к власти.

Многочисленные читатели Державина видят в нем ядовитого и смелого сатирика, борца за дворянскую правду с самовластьем вельмож, обличителя общественной неправды.

Державину приписывают стихотворения антиправительственного характера, ходящие по рукам, хотя бы они не имели ничего общего с его творчеством.

Если мы учтем, с другой стороны, что сам Державин любил выдвигать на первый план свою деятельность как чиновника и организатора дворянской общественности, а вовсе не свою литературную работу, то мы поймем, почему так сравнительно мало печатался Державин при жизни.

Не останавливаясь на стихотворениях, помещенных в журналах (и изданных отдельно брошюрами и листовками), укажу все изданные при нем сборники его стихотворений.

В 1776 г. был издан сборничек из восьми произведений (четыре прозаических переводов од прусского короля Фридриха II и четыре оригинальных од) под названием «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае 1774 года». Если не считать этого раннего выступления, первая попытка Державина собрать свои произведения относится к 90-м годам, т. е. к эпохе, когда уже завершался едва ли

не центральный период его творчества. Поощряемый Екатериной, Державин решил подготовить к печати собрание стихотворений; был произведен строгий отбор вещей; друзья-литераторы помогли отредактировать тексты. 6 ноября 1795 г. Державин «поднес» царице великолепный рукописный том своих стихов, переписанный писцом, переплетенный в красную кожу. В начале и в конце каждого из 60 стихотворений, помещенных в этом томе, А. Н. Олениным был сделан рисунок тушью или акварелью. В этом рукописном томе была помещена между прочим ода «Властителям и судиям», переложение из 81-го псалма, ранняя редакция которой была уже в 1780 г. вырезана цензурой из журнала «С.-Петербургский Вестник». Ода призывала громы небесные на головы царей (злых). Шла Великая французская революция. Екатерина испугалась, и Державин попал было в совершеннейшую «нemiлюсть»; он поспешил оправдаться, и ему удалось выпутаться из опасной истории.

Однако при жизни Екатерины собрание стихотворений Державина так и не было издано.

Роскошный том, поднесенный Екатерине, украшенный подлинными Оленинскими рисунками, Державину удалось получить обратно, но уже после смерти Екатерины. В 1811 г. он подарил его собирателю книжных редкостей П. П. Дубровскому; вместе с другими материалами собрания Дубровского том «Сочинений Державина» поступил в Публичную Библиотеку в Ленинграде, где хранится и теперь (шифр F, XIV, № 16). На первой странице его рукою Державина написано: «Сей манускрипт, как охотнику до подобных редкостей, подарен самим автором Петру Петровичу Дубровскому в Петербурге 1811 году января 11 числа и подписан собственною моею рукою, Гавриил Державин». На титульном листе, тоже рукою Державина, написано: «Поднесена была сия книга автором лично в Петербурге императрице Екатерине второй 1795 г. ноября 6, которая по прочтении Ею и оставалась у Ея Величества в Кабинете, по самую ее кончину; а по возшествии на престол Императора Павла I отдана обратно автору. Г. Державин».

После вступления на престол Павла I, по инициативе И. И. Шувалова в Москве при университете принялись за печатание первого тома «Сочинений Державина». Он вышел в свет в 1798 г., когда Шувалов уже умер, и получился очень неудачным. Державин, дождавшийся на 55-м году своей жизни первого издания своих од, был недоволен. Он писал: «Сочинения мои перепортили в Москве. Кроме того, что не по тому порядку напечатали, как я приказал, и не те пьесы, коим в 1-й части быть следует,—но само по себе так скверно, что истинно в руки взять не можно, и бумага и печать плоха и ошибок премножество» (письмо к Ф. Н. Голицыну от 17 июня 1798 г.). Продолжения издания не было.

Между тем и первому тому пришлось выдержать еще до выхода в свет цензурные мытарства. Ода «Властителям и судиям» конечно не смогла появиться в нем. Павловская цензура оставила далеко позади екатерининскую, даже последних лет ее царствования. Конечно целый ряд стихотворений Державина не мог быть даже представлен в цензуру в то время. Но история началась из-за двух стихов в оде «Изображение Фелицы». В ней есть такие строки.

Самодержавства скиптр железный
Моей щедротой позлащу

(строфа 33; говорит эти слова в оде сама Фелица-Екатерина). Ода с этими двумя стихами была напечатана уже трижды при Екатерине II. Но в 1797 г., когда издание «Сочинений Державина» печаталось в Москве, цензура, пропустившая было оду, спохватилась и приостановила издание, требуя исключения криминального двустишия, порочащего самодержавие.

Тогда Державин написал письмо к куратору Московского университета, кн. Ф. Н. Голицыну; он жаловался на остановку книги: «Зачем же? За такой фразой, которая уже не один раз была напечатана, всем известна и которая одна из многих истинную делает честь самодержавному нашему правлению. Ее при покойной государыне приняли все с чрезвычайной похвалою; почему же теперь нет? Разве теперешнее правление не толь щедро и великодушно, как прошедшее? Истинно, я боюсь подумать, чтоб, выпустив две строки, не сделать сатиры оскорбительнейшей, нежели Ювенал на свое время» (письмо от 16/XII 1797 г.). Затем Державин просил Голицына добиться через генерал-прокурора кн. А. Б. Куракина пропуска этих стихов.

Голицын ничего не сделал, и Державину пришлось самому обратиться к Куракину. 3 марта 1798 г. он написал генерал-прокурору длинное письмо, убеждая его «вразумить» цензоров и доказывая ему невинность заподозренных стихов. Куракин довел дело до царя. На письме Державина сохранилась надпись Куракина: «Государь император приказать соизволил: внушить господину Державину, что по иску-

СОЧИНЕНІИ ДЕРЖАВИНА.

Часть I^я.

Познана была сия книга автором
ранее в Императорском университете
откуда Евангелист второй, 1795 г. ^{1795 г. 15 сент.} ~~1795 г. 15 сент.~~
напечатана им и отпечатана
у Е. Славянской в Казани, по
самому Е. Копию, а не в оригинале.
На престоле Императора Павла I
сидели братом автору.

Г. Державин.

ству его в сочинении стихов подчеркнутые бы переменял, чтоб получить дозволение сочинения его напечатать».

Державин не послушался царя или не узнал о его резолюции. В «объяснениях» к своим стихотворениям (1809—1810) он дает вторую версию, говоря, что «не получил никакого отзыва на свое отношение и неизвестно, докладывал ли Куракин о том императору». Однако едва ли можно в данном случае безусловно доверять свидетельству «объяснений».

Во всяком случае Державин не изменил своих стихов, и в издании 1798 г. они выпущены (вместо них—пробел). Упрямый Державин внес «в нескольких экземплярах сии строки своею рукою» («объяснения»). В Публичной Библиотеке в Ленинграде есть экземпляр издания 1798 г., подаренный Державиным Суворову. В нем выпущенное из оды «Изображение Фелицы» двустилие вписано рукою Державина.

В 1804 г. Державин напечатал сборник стихотворений под названием «Анакреонтические песни».

В 1808 г. вышли в свет четыре тома «Сочинений» Державина; это издание, составленное самим поэтом, печаталось под наблюдением А. Ф. Лабзина. Оно является основным источником при изучении текстов Державинских произведений. Собственно говоря, это—единственное авторитетное прижизненное собрание сочинений поэта. Однако (не говоря об опечатках) существенным ограничением полезности издания 1808 г. для текстолога и редактора является неполнота его. Правда, в него попало много произведений, не бывших ни в издании 1798 г., ни в сборнике «Анакреонтических песен». Тем не менее весьма значительный процент стихотворных вещей Державина не вошел в издание 1808 г., не говоря о его прозе, мемуарах, письмах и т. д.

В конце жизни Державин затеял продолжение изданного в 1808 г. четырехтомника. В 1816 г., в год его смерти, вышел V том, как бы дополнительный к первым двум, заключавшим «высокую» лирику (в III томе была анакреонтическая поэзия, в IV—драмы и описание Потемкинского праздника).

Вслед за V томом Державин подготовлял VI и VII тт., но выпустить их не успел. Между тем оба эти тома были, можно сказать, закончены, переписаны набело писцом; оставалось только отдать их в цензуру и в набор.

В VI том (менее отделанный) входили прозаические произведения Державина, в VII—поэтические мелочи: надписи, надгробия, эпиграммы, мадригалы и т. д., в большинстве неизданные.

Из-за смерти Державина (9 июля 1816 г.) VI и VII томы собрания его сочинений так и не были изданы, отчасти даже до сего дня.

Начался длительный период рыночных и полурыночных изданий Державина. Помимо изборников, в 1831 г. вышло первое посмертное собрание его сочинений в издании Смирдина (4 т.), повторенное в 1833 и 1834 гг. Затем идет издание Глазунова 1845 г. (4 т.), издание Штукина в том же году (1 т.) и издание Смирдина в «Собрании сочинений русских авторов» 1847 г. (2 тома), повторенное в 1851 г. В 1857 г. были изданы отдельно анакреонтические стихотворения Державина. Наконец в 1864 г. вышел первый том знаменитого академического издания сочинений Державина под редакцией и с примечаниями Я. К. Грота. Это огромное издание выходило в течение 19 лет и заняло девять томов in 4° (I—III томы—стихотворения, IV—драматические произведения, V—VII—переписка, записки, прозаические произведения, VIII—биография Державина, написанная Я. К. Гротом, и IX—составленные им же материалы для биографии, библиографии, изучения творчества Державина).

Выход первого тома Гротовского издания был событием в русской литературе. Ни один русский писатель до тех пор не был так издан. Прежде всего новостью был самый формат, объем книги, распухшей во всех направлениях, вся внешность «роскошного» по официальной терминологии издания.

Затем—научный аппарат издания. Ничего подобного еще не видал русский читатель. Первый том Гротовского издания заключал 139 пьес, в том числе немало поэтических мелочей (лишь одна большая сравнительно вещь—описание Потемкинского праздника). Весь этот материал умещался в прежних изданиях Державина на двухстах страницах среднего формата. В Гротовском томе было восемьсот страниц большого формата. Он был до краев переполнен примечаниями, набранными мелким шрифтом, заполняющими нередко целые страницы, в сумме составляющими многие десятки печатных листов.

Таким же образом обставлен текст второго и отчасти (в меньшей степени) третьего тома. Остальные томы не имеют столь обильных примечаний.

Гротовское издание Державина вызвало противоречивые отклики; с одной стороны, оно приобрело репутацию крупной победы русской академической науки, образцо-

вого издания классического автора, примера подлинной научности, уже не преи-
деши,—предела, к которому следует стремиться всем редакторам будущих изданий
сочинений русских писателей. Что же касается Державина, то казалось, что его
дело сделано Гротом навсегда. Самый объем Гротовского левиафана, море материала,
предоставляемого читателю, в котором этот читатель неизбежно тонул, все это оглу-
шало критиков, внушало им священный трепет. Никакие сомнения в достоверности,
в полноте издания Грота не могли им притти в голову; мысль о ревизии работы
Грота, о возможности ее устранения показалась бы им кощунственной. Державин
был издан образцово и навеки; больше по Державину делать науке нечего.

*Благодарю Вас за будущее, разорванные недоу-
мыль Цензуров.*

*Прекрасно в творении с истинными высоко-
поэтическими и таковыми же творческими.*

*Почтенный Александров
Гротовское издание
Вашего Святительства!
Великолепно, как по изданию
Державина, так по изданию
Милостивый Государь!
Гротовское издание
Вашего Святительства!
Великолепно, как по изданию
Державина, так по изданию
Милостивый Государь!*

Павел Флакс.
«Настала мена, Мироз Советам!»
«Да бже сегоу Псалм!»
«Псалм мена и добротам!»
«М джжу щастис мена!»
«Да бже мена и добротам!»
«М мена и добротам!»
«Псалм мена и добротам!»
«М джжу щастис мена!»

Мироз Советам!
1798 года

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ПРОШЕНИЯ Г. Р. ДЕРЖАВИНА, ПОДАН-
НОГО А. Б. КУРАКИНУ ПО ПОВОДУ ИСКЛЮЧЕНИЯ ЦЕНЗУРОЙ
ДВУХ СТИХОВ ИЗ ЕГО ОДЫ «ИЗОБРАЖЕНИЕ ФЕЛИЦЫ»

Слева надпись А. Б. Куракина, заключающая резолюцию Павла I
Центрархив СССР, Москва

Однако этой академической, благоговейной точке зрения противостояла еще
в самое время выхода в свет издания Грота другая—непочтительная и смелая.
Радикальная критика, современная изданию, высмеивала его за ультра-академизм,
за показную научность и за реакционную в сущности установку.

Самый выбор Державина, поэта прошлого века, поэта, якобы только прославляв-
шего дворянскую екатерининскую Россию, поэта, якобы назидательного для совре-
менных Гроту «ниспровергателей основ»,—принципиальная защита Гротом такого
выбора, изучение XVIII века не для современности, а ради отказа от нее—все
это типически характеризует замысел издания, не случайно подготовлявшегося
и начавшего выходить в первое десятилетие царствования Александра II.

Освещение, которое Грот дает в своем издании фактам политической истории
XVIII и начала XIX в.,—вполне официальное, правительственное. Он и здесь,
как и в других своих работах,—пропагандист отвратительной легенды о Екатерине—
«великой монархине» и т. д. и т. д.

Академическая мертвенность издания Грота губит самого издаваемого поэта, даже независимо от ложной тенденции комментария. Я не говорю уже о хронологическом расположении стихотворений, с одной стороны, плохо применимом к творчеству Державина, с другой—не до конца выдержанном Гротом, что окончательно сбивает читателя. Но дело в том, что читателю вообще трудно добраться до текста Державина через дебри примечаний, затопившие страницы книги. Примечания под строкой, иногда оставляющие для текста поэта места лишь на несколько стихов; примечания, вырастающие в целые статьи перед стихотворением, примечания повсюду. Академизм убивает Державина как поэта; читатель не может отнестись к его стихам как к художественному произведению, но только лишь как к памятнику былого величия, объекту официально-чиновничьего почитания.

Пользование изданием затруднено и многосоставностью его, объясняющуюся конечно длительностью его подготовки. Оно изобилует дополнениями, дополнениями к дополнениям, прибавлениями и т. д. Стихотворения расположены в трех хронологических порядках: от 1770 до 1816 г., затем в III томе—опять стихи от 1767 до 1815 г. и опять—в том же томе—стихи без точных дат—1762—1778 гг., стихи 1779—1800 гг., стихи 1801—1816 гг. Кроме того стихотворения помещаются в тексте примечаний, в биографии Державина, написанной Гротом, в дополнительных примечаниях, где угодно. Попробуйте, найдите их там!

Тем не менее было бы ошибкой отрицать большое значение издания Державина, сделанного Гротом. Это было все же первое научное издание русского писателя, и Гроту удалось сделать очень многое для того, чтобы оправдать академическую репутацию этого издания.

Прежде всего Грот опубликовал множество неизданных текстов Державина—и поэтических, и прозаических, а также его писем, докладных записок и т. д. С помощью Академии Наук, поставившей дело широко, Грот в течение двух с лишним десятков лет собирал материалы, относящиеся к Державину. Еще в 1859 г. Академия опубликовала план издания с приглашением предоставить ей все имеющиеся у кого-либо материалы. В это время живы еще были родственники Державина, хорошо знавшие его, живы были непосредственные традиции воспоминаний его эпохи. Рукописные материалы потекли к Гроту в изобилии; тут были и тетради самого Державина, и целые кипы его рукописей, и множество всевозможных бумаг, принадлежавших ему, и сотни его писем и писем к нему, и воспоминания о нем, и документы официального характера,—словом все, что угодно.

Очень много материалов поступило в полное распоряжение Грота; были и такие материалы, которые он использовал, но принужден был оставить в руках их владельцев. Первая группа материалов составила в основном: собрание «Бумаг Державина», переданное в 1892 г. Я. К. Гротом Публичной Библиотеке в Ленинграде и заключающее 40 более или менее объемистых томов, и собрание бумаг, хранящихся ныне в Институте Русской Литературы Академии Наук СССР. Вторая группа материалов в значительной части недоступна исследователю и будет выявляться вероятно постепенно. Итак, первая заслуга Грота по отношению к Державину—это собранный им огромный Державинский архив. Именно этот архив позволил ему дать в своем издании так много новых текстов Державина. В отношении полноты издание Грота—без сомнения первое издание Державина.

Затем собранный Гротом материал позволил ему дать в своих примечаниях действительно огромное количество сведений, пусть использованных ложно, в интересах пагубной идеологической позиции самого Грота, но все же представляющих такой фонд, который невозможно обойти и сейчас.

Конечно хаотичность издания до крайности затрудняет возможность разобраться в море фактов, собранных Гротом, но в конце концов исследователь, потративший немало времени, чтобы ориентироваться в нем, не потеряет этого времени даром.

В течение многих лет исподволь собирал Грот материалы для своего комментария и для биографии Державина. Академия предоставляла ему для этого все возможности. Он ездил в специальные научные экспедиции: в места, связанные с жизнью Державина, в имения, принадлежавшие в свое время родным и знакомым поэта. Он мог широко воспользоваться и устной традицией воспоминаний и фактов, сообщаемых ему современниками Державина. Он собрал также многое и в архивных материалах, доступных ему. Хорошо обследовал он и всевозможные печатные источники.

В результате издание Грота представляет современному ученому большой склад не очень хорошо систематизированных материалов, но такой, из которого можно почерпнуть немало сведений.

Однако комментарий Грота устарел, и устарел не только в смысле его идеологической установки. За те десятилетия, которые отделяют нас от Гротовского изда-

СТРАНИЦА ИЗ РУКОПИСНОГО ЭКЗЕМПЛЯРА
„СОЧИНЕНИЙ“ Г. Р. ДЕРЖАВИНА С РИСУН-
КАМИ ХУДОЖНИКА И. ИВАНОВА

Институт Русской Литературы, Ленинград

ния, наука так обогатилась материалами о XVIII в., что сведения Грота часто оказываются неточными, а его представления о событиях—наивными. Здесь уж вина не его, а времени.

Устарело Гротовское издание и в смысле отношения к текстологической проблеме. То, что было ультра-научно в 1864 г., совсем ненаучно теперь. Современная текстология предъявляет к научной работе куда более строгие требования, чем это мог предвидеть Я. К. Грот.

Прежде всего его издание все-таки далеко не полно: он не поместил в нем очень многих произведений, бывших у него в руках,—как сознательно, так и бессознательно, по небрежности.

Приведу два-три примера. Первый же том собранного Я. К. Гротом архива, хранящегося в Публичной Библиотеке, открывается двумя тетрадями, писанными рукою Державина и заключающими стихотворения первой поры его творчества—60-х и 70-х годов.

Первая из них озаглавлена так: «Песни, сочиненные Г. Р. Д.», т. е. по числу точек: «Гавриломъ Романовичемъ Державинымъ». Эта тетрадь содержит 19 песен (из которых лишь четыре были напечатаны в поздних редакциях при жизни Державина, при чем одна не полностью). Вторая тетрадь озаглавлена «Разные стихотворения» и включает 54 стихотворения различных жанров.

О песнях Державина Грот писал: «Почти все они слабы, язык их тяжел, стих часто неправилен, а потому мы и не сочли себя в праве дать им место в издании сочинений нашего поэта» (т. VIII, стр. 264—265.—Ср. т. III, стр. VII). Повидимому так же оценивал Грот и «разные стихотворения». Так или иначе, пятнадцать песен ранней поры творчества Державина и целый ряд «разных стихотворений» (часть их попала в III том Гротовского издания) так и остались неизданными.

Между тем все ранние произведения Державина весьма важны для изучения его творческого роста.

Еще пример: в IV томе своего издания Грот собрал драматические произведения Державина. Тут же в числе «Приложений» он поместил небольшой отрывок (2 страницы) из оперы «Эсфирь», которую он считал переводной вещью (см. т. IV, стр. VIII

и 802) и, в качестве перевода, неинтересной. Затем, в конце IX тома, в «Поправках и дополнениях» Грот оговорил, что «Опера Эсфирь, как оказывается из рукописей Державина,—оригинальное его сочинение, которое должно быть отнесено к 1814 году» (стр. 758). И все-таки «Эсфирь» так и не попала в издание Грота, хотя в собранных им самим «Бумагах Державина» в Публичной Библиотеке сохранился полный текст ее, целиком автограф (в томе 6-м собрания).

Еще характерный пример: 23-й том «Бумаг Державина» в Публичной Библиотеке, переплетенный еще при жизни поэта, открывается почти совсем чистым автографом стихотворения Державина, названного «На смерть Катерины Яковлевны, 1795 году июля 15 дня приключившуюся». Это стихотворение, и, надо сказать, превосходное стихотворение, даже не упомянуто Гротом; он просто не знал этого стихотворения, бывшего в его же собрании, на первой странице тома. Почти невероятный факт, что Грот даже не заглянул в этот том, доказывается вот чем: в том же 23-м томе помещено стихотворение А. В. Храповицкого, ода—послание к Державину («Ода милому товарищу и соседу»), помеченная 17 июня 1793 г. Ответом на стихи Храповицкого явилась известная ода Державина «Товарищ давний, вновь сосед» («Храповицкому»). Между тем Грот, комментируя эту оду, пишет, что стихи Храповицкого, вызвавшие ответ Державина, «к сожалению нам неизвестны».

Мы говорили выше о подготовленной Державиным перед смертью рукописи «Части VI» его сочинений, заключающей мелкие стихотворения, надписи, эпиграммы и т. п. Несмотря на то, что Державин сам хотел издать эту рукопись и без сомнения издал бы ее, если бы прожил еще несколько месяцев, Грот не считал нужным опубликовать ее полностью. Он взял из нее лишь часть стихотворений, а другие оставил неизданными, при чем невозможно понять, чем он руководился, производя этот отбор (иногда вступали повидимому в силу идеологические, даже политические мотивы).

Наконец укажу еще последний пример: среди множества поэтических рукописей Державина, среди черновиков, набросков, планов попадаются и законченные произведения, иногда весьма замечательные. Грот не дал себе труда внимательно разобратся во всем этом материале и оставил неизданными немало готовых стихотворений Державина, из которых часть он знал, а других, видимо, не заметил (напр. стихотворений, включенных в неизданную часть «Рассуждения о лирической поэзии или об оде»).

Особо следует поставить вопрос о неоконченных стихотворениях Державина. Их много, и среди них есть настоящие шедевры. В научном издании они должны были бы найти место все. Но Грот предпочитал занимать страницы своими примечаниями. Он напечатал лишь несколько неоконченных вещей, и то не всегда точно. Не могу не упомянуть здесь о таком случае: Грот опубликовал в III томе (стр. 379) среди стихотворений 1800 г. (в числе «опытов первой эпохи и стихотворений неизданных») отрывок:

Всторжествовал — и усмехнулся
Внутри души своей тиран,
Что гром его не промахнулся,
Что им удар последний дан
Непобедимому герою,
Который в тысячи боях
Боролся твердой с ним душою
И презирал угрозы страх.

Нет, не тиран, не лютый рок,
Не смерть сразила:
Венцедатель, славы бог
Архистратига Михаила
Послал небесных вождя сил,
Да приведет к нему вождя земного,
Приять возмездия венец,
Как луч от свода голубого...

Что означают восемь точек в десятом стихе? Нетрудно догадаться, что они заменяют буквы имени Суворова, гонимого Павлом I и умершего в 1800 г. в опале.

В самом деле, в рукописи Державина ясно написано имя Суворова. Очевидно Грот не решился напечатать это имя из соображений политических. Вводя его в текст, он признал бы тем самым, что русский царь обозначен у Державина названием тирана и вообще подвергся порицанию поэта. Все это было нежелательно,

и Грот постарался елико возможно скрыть фактическое содержание стихотворения, сделать вид, что оно ни к чему определенному не относится.

Поэтому же он принужден был в примечании сказать, что «Год сочинения указан рукописью», тогда как он указан датой смерти Суворова. Единственным же намеком на реальное значение Державинского отрывка в издании Грота может служить то, что вслед за ним Грот поместил четверостишие «На смерть Суворова» и затем надпись «На гробницу Суворова в Невском [монастыре]».

В Отчете Публичной Библиотеки за 1892 г. (стр. 15) искалеченный Гротом текст отрывка был восполнен указанием на пропущенное в нем имя Суворова.

Таким образом очень много оригинальных стихотворений Державина не вошло в академическое издание его сочинений. К переводам Грот относился еще более «свысока». Те переводы, которые Державин не напечатал сам, он вообще не считал особенно нужным опубликовывать. Так остались неизданными переводы Державина из немецких поэтов Галлера и Клопштока, почти совсем неизданными оказались и драматические стихотворные переводы. В предисловии к IV тому своего издания Грот прямо пишет: «Что касается до переведенных им [Державиным] пьес, то мы не сочли нужным печатать их целиком. Драматические переводы прежнего писателя могли бы только в таком случае иметь право на внимание наше, если отличались, по крайней мере, отделкою в языке и стихе, но Державин ни по образованию, ни по роду своего таланта не в состоянии был придать переводам своим этого достоинства, тем более что не мог изучать в подлиннике избранных им итальянских и французских образцов и должен был переводить их по подстрочным переложениям, сделанным ему приятелями или родными... По этим соображениям мы решились представить читателям только отрывки из переводных пьес Державина» (стр. IX). У Грота в руках был текст четырех драматических переводов Державина: трагедий «Федра» Расина и «Зельмира» Де-Беллуа и опер «Тит» и «Фемистокл» Метастазиио. Он напечатал из каждой оперы по отрывку; больше всех повезло «Зельмире»: из нее попал в издание довольно значительный кусок, 5 сцен (по Де-Беллуа—6) из II действия. Из обеих опер дано лишь по одному явлению, что же касается

СТРАНИЦА ИЗ РУКОПИСНОГО ЭКЗЕМПЛЯРА
„СОЧИНЕНИЙ“ Г. Р. ДЕРЖАВИНА С РИСУН-
КАМИ ХУДОЖНИКА И. ИВАНОВА

Институт Русской Литературы, Ленинград

«Федры», то Грот не нашел ничего лучше, как поместить в своем издании перевод знаменитого монолога Терамена, напечатанный еще при жизни Державина (Грот пишет, что и этот отрывок «помещается здесь только потому, что он уже был напечатан», т. IV, стр. 767), остальной же, совсем неизвестный текст так и остался неопубликованным.

То обстоятельство, что Грот так обошелся с драматическими переводами Державина в стихах, печально в особенности потому, что тексты этих переводов не сохранились в архиве, собранном Гротом.

Почти так же, как с поэтическим наследием Державина, управлялся Грот и с его прозой. Для литературоведа представляет значительный интерес трактат Державина о поэзии, содержащий теоретические высказывания поэта о его искусстве, — «Рассуждение о лирической поэзии». Державин печатал свою объемистую работу в «Чтениях в Беседе любителей Российского слова». Здесь была помещена в 1811 и 1812 гг. основная часть работы, посвященная по преимуществу оде. Потом, в 1815 г., печатание возобновилось после следующего примечания: «Почтенные посетители благоволили слышать рассуждения мои... о древней и средних веков лирической поэзии. По порядку теперь должно бы говорить о новейшей, то-есть: о Кантате, Оратории, Сонете, Мадригале, Триолете, Рондо, Серенаде, Опере, Балладе, Стансе, Романсе и простой песни, в чем они различествуют между собою и что в них сочинители наблюдать должны, но как это более относится к классическому наставлению учеников и навело бы может быть скуку, то, предоставляя себе такое Рассуждение напечатать вообще в особой книжке, здесь скажется только об опере... и также о самом последнем степени лиры, т. е. о простой песни»... и т. д.

Далее идут главы об опере и о песне.

Грот ничего не говорит о том, написал ли Державин вторую часть своей работы, посвященную всем перечисленным им жанрам или нет. В Гротовском же издании «Рассуждение» дано в том объеме, в котором оно было напечатано в «Чтениях».

Между тем продолжение «Рассуждения» было написано и вполне закончено Державиным; более того: оно было подготовлено к печати при общей подготовке последующих томов собрания сочинений, начавшего выходить в 1808 г.

В целом—это большой труд, изобилующий интереснейшими суждениями Державина, дающий представление о круге его сведений о литературе, о его вкусах, о путях его эстетической мысли.

Вся эта вторая часть трактата осталась совсем неизданной Гротом, может быть не заметившим ее среди бумаг, собранных им. Примечательно здесь еще следующее обстоятельство: в «Рассуждении» Державин включил множество примеров—стихотворений своих и чужих. Так было в первой изданной части, так и во второй. В частности, во второй части помещено несколько неизданных стихотворений самого Державина. Грот конечно «пропустил» их, и они не попали в его издание.

Приведенных выше материалов, как кажется, достаточно для характеристики полноты издания, выходившего под редакцией Я. К. Грота с 1864 по 1883 г.

Остается сказать несколько слов о работе Я. К. Грота над текстом своего издания и о датировке стихотворений, которую он дает. В отношении к датам Грот не всегда точен. Приведу один пример. Грот печатает стихотворение «Лето» под 1805 годом. Основанием для этого служило повидимому лишь то, что как это стихотворение, адресованное И. И. Дмитриеву, так и ответное послание Дмитриева были напечатаны в «Вестнике Европы» в 1805 г. (в сентябрьской и октябрьской книжках). Грот объясняет, что Державин послал свое стихотворение Дмитриеву из Званки, где он проводил лето (все это верно).

Между тем он сам тут же приводит цитату из Жихарева, записавшего 9 января 1805 г., что Дмитриев заставил его «прочитать послание его [Дмитриева] к Державину, в ответ на присланные стихи нашего Пиндара». И так у Грота получается, что Жихарев в январе 1805 г. читает ответ Дмитриева на стихи Державина, написанные летом 1805 г.

Вслед за стихотворением «Лето» под тем же 1805 годом Грот печатает «Цыганскую пляску», явившуюся своеобразным ответом Державина на ответ Дмитриева. «Цыганская пляска» была напечатана в «Вестнике Европы» за ноябрь 1805 г. (очевидно журнал сознательно из номера в номер сообщал по частям эту поэтическую переписку).

В Державинских рукописях (бывших у Грота) есть автограф (получерновой) «Цыганской пляски». На нем прямо под заглавием написана рукою Державина дата, потом жирно зачеркнутая. Однако под зачеркнутым можно прочесть: «10 Генваря 1805 года»; та же дата повторена и в списке стихотворения, выправленном Державиным.

Следовательно «Лето» написано в 1804 г.¹

Это отсутствие внимательной работы, детального и тщательного чтения рукописей слишком часто дает себя чувствовать в издании Грота. В частности это сказывается например в публикуемых Гротом вариантах. Объясняя в предисловии к первому тому своего издания необходимость публикации Державинских вариантов, Грот писал: «...Для избежания произвола в выборе их [вариантов] мы обыкновенно приводим все отличия прежних печатных редакций стихотворений, исключая разве самые ничтожные несходства... Когда рукописи представляют стоящие внимания варианты, то они извлекаются и оттуда» (стр. XXXVIII).

Конечно это «стоящие внимания» открывает простор для того самого произвола, о котором пишет Грот; к тому же анализ рукописей Державина показывает, что Грот слишком часто считал «стоящими внимания» те варианты, которые были написаны Державиным четко; те же, прочтение которых представляло затруднения (хотя бы и вполне преодолимые), оказывались не стоящими внимания и в издание Грота не попадали. В результате читатель не получает достаточно полного представления о рукописных вариантах Державина.

Вольное обращение с текстом поэта сказалось и в пунктуации (и в орфографии) Гротовского издания. Говоря о точности воспроизведения текста, Грот пишет в том же предисловии к первому тому: «Впрочем точность наша не простиралась ни на правописание, ни на знаки препинания, потому что то и другое в сделанных при жизни Державина изданиях не принадлежит вполне ему самому; в рукописях же его нельзя отыскать каких-либо постоянных оснований орфографии... и т. д. (стр. XXXVII). Грот не совсем прав. Текст издания 1808 г. утвержден самим автором во всех деталях. Он авторитетен и в отношении правописания и пунктуации. Изменяя пунктуацию, подгоняя ее под нормы, им же отчасти декретированные, Грот очень часто менял весь характер Державинской фразы, тем более что у Державина знаки препинания призваны были играть своеобразную роль указателей смысловых акцентов и в то же время адекватного способа произнесения стиха. И смысловые оттенки, и ритмический рисунок Державинского стиха сглажены Гротовским насилием над ним.

Ряд оттенков смысла утерян в Гротовском издании и благодаря нивелировке правописания, подгонки его под нормы второй половины XIX в. (напр. в области слитного и раздельного написания слов).

Таким образом необходимо признать, что издание сочинений Державина, сделанное Гротом, в свое время без сомнения ультра-научное и в течение ряда десятилетий пользовавшееся репутацией образцового, в настоящее время в значительной мере устарело. Между тем огромность и крайний академизм Гротовского издания до последнего времени производили сильное впечатление на литературоведов и парализовали развитие изучения Державина.

С 1868 по 1878 г. выходило повторение большого Гротовского издания в малом формате, без иллюстраций и без последних двух томов. После обоих Гротовских не появлялось вовсе сколько-нибудь серьезных изданий Державина, даже вообще полных собраний его сочинений. Были лишь «избранные» и ничем не примечательные.

В журналах («Русский Архив» и др.) появлялись кое-какие материалы о Державине, отдельные его письма и т. п., но в малом сравнительно количестве и не очень значительные по содержанию.

В смысле приведения в известность литературного наследства Державина после Грота следует указать лишь три факта.

В 1892 г. в Публичную Библиотеку поступило 40 томов «Бумаг Державина», бывших в руках Грота; в 1895 г. вышел отчет Публичной Библиотеки за 1892 г. В нем дано описание вновь поступившего собрания и опубликовано из него кое-что.

Затем в 1916 г. по случаю столетия со дня смерти Державина его памяти был посвящен целый выпуск казанского «Вестника Образования и Воспитания» (кн. 5—6) под редакцией Л. К. Ильинского и В. Л. Богоявленского. Здесь кроме ряда статей даны также сведения о музейных реликвиях, связанных с памятью Державина, находящихся в Казани, и опубликован ряд документов, относящихся к его биографии, и варианты к его стихотворениям по рукописям, хранящимся в Казани.

Наконец в 1917 г. в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии Наук» (т. XXII, кн. 1) была напечатана статья Л. К. Ильинского «Из рукописных текстов Г. Р. Державина». Автор высказывает несколько критических замечаний о текстологической работе Грота, отмечает недостатки ее и затем дает исследование нескольких стихотворений Державина, привлекая рукописный материал, неиспользованный Гротом.

II

Если литературовед, работающий над Державиным, располагает помимо Гротовского издания лишь самыми скудными печатными материалами, то, наоборот, множество материала он может почерпнуть из рукописей, из архивных фондов. Я укажу самые основные фонды, обследованные мною.

В первую очередь необходимо назвать упоминавшиеся уже неоднократно «Бумаги Державина», поступившие в Публичную Библиотеку в 1892 г., описанные в отчете Библиотеки за этот год и составляющие 40 томов. Почти все они в переплетах. Часть этих томов собрана и переплетена еще при жизни Державина под его наблюдением и при его участии.

Такие томы удобны для изучения, так как материал в них подобран более или менее единообразный и ограниченный даже хронологически. Впрочем и здесь случается, что в томе, заключающем например стихи не Державина, подаренные ему авторами, и т. п., мы найдем рукописи его собственных произведений. Но гораздо хуже обстоит дело с томами, переплетенными уже после того, как соответственные бумаги попали к Гроту. Между тем именно рукописи стихотворений Державина в основном заключаются в этих последних томах.

Эти рукописи представляют собою целые кипы тетрадей, листов, листов разного формата, разного вида. В томах собрания Публичной Библиотеки они переплетены врассыпную. Некоторая, впрочем далеко не реализованная вполне, тенденция распределить материал между томами была. Так в первом томе помещались стихотворения XVIII в., во втором—стихотворения последних лет жизни Державина. Но не говоря уже о том, что в других томах рассыпано множество рукописей, вовсе недифференцированных хронологически, внутри томов, даже если говорить о первых двух, царит полный хаос.

Черновики одного и того же стихотворения, относящиеся к одному и тому же времени, находятся в разных местах.

Более того: первый лист одной и той же рукописи может быть отделен от второго десятками посторонних листов. В общем есть все основания предполагать, что тома вовсе не собирались исследователем, а отобранные кипы просто передавались переплетчику, который и переплетал их в том более или менее случайном порядке, в котором они лежали в папке у этого исследователя.

Между подлинными рукописями (автографами и списками, сделанными под наблюдениями Державина и чаще всего им поправленными) попадаются списки, повидимому сделанные для Грота.

Наконец толстые томы переплетены так, что края листов, уходящие под корешок, недоступны для взора исследователя, а с ними нередко и части Державинского текста.

Полагаем, что было бы крайне желательно просто расшить эти поздние переплеты и хранить Державинские рукописи более культурно.

Укажу некоторые разделы собрания Публичной Библиотеки, в особенности примечательные с точки зрения содержащегося в них нового материала для изучения Державина.

В области его поэтического наследия, как я уже говорил выше, собрание Публичной Библиотеки дает много неопубликованного материала. Здесь имеются помимо огромного количества неизвестных в печати вариантов к стихотворениям, вошедшим в Собрание сочинений Державина, неизданные стихи ранней поры его творчества, неизданные вещи зрелой эпохи, поэтические мелочи, стихотворные переводы, неоконченные произведения, отрывки. Для иллюстрации приведу несколько текстов. Вот одна из ранних песен Державина (15-я), доселе неизданная.

Вседневно муки умножая,
Всечасно прелестьми маня,
Не льсти напрасно, дорогая,
Своей любовью меня.
Кто может быть столько страстен,
Как я, тебя любя, мой свет.
Во мне рассудок мой не властен;
В тебе душа моя живет.
Так кто ж меня и в том уверит,
Коль чувствую сто раз собой,
Что твой мне вид не лицемерит,
Что я равно любим тобой?

*их Превосходительству Императору
Императору Императору Императору
Императору Императору Императору*

ПЕРЕХОДЪ ВЪ ШВЕЙЦАРИИ
ЧРЕЗЪ АЛПІЙСКІЯ ГОРЫ,
РОССІЙСКИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВОЙСКЪ,

подъ предводительствомъ Генералиссима;

1799 года.

Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступятъ тамъ полки орудей.
Ода Г. Ломоносова.

Съ дозволенія Санктпетербургской Цензуры.

Въ Санктпетербургѣ, 1800.

Печатано въ Императорской Типографіи.

ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА ОДЫ Г. Р. ДЕРЖАВИНА „ПЕРЕХОДЪ ВЪ ШВЕЙЦАРИИ
ЧРЕЗЪ АЛЬПИЙСКІЕ ГОРЫ“ С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ И. П. ТУРГЕНЕВУ (1880 г.)
Институт Русской Литературы, Ленинград

Когда в свиданіях напрасно
Способны случаи проши,
Где б мы взаимно, нежно, страстно
С тобой утѣшиться могли.
Мою ты страсть и муку зрела
И видела, как я грустил.
Во мне вся кровь тогда кипела,
Я млеа и вне себя весь был.
Ты видела и все то знаешь,
Как много я тебя люблю;
Ты видела, а не смягчаешь
Тех мук, что я тобой терплю.

Вдыхаешь ты, как я вздыхаю,
Горишь, как я горю любя,
А я еще не получаю
Чего желаю от тебя.
Грущу, мятусь, стеною, страдаю;
Когда я вправду буду мил?
Всех царских тронов не желаю,
Лишь бы тобою счастлив был.

Значительно позднее Державин обработал эту песнь заново, переделывая четырех-
стопный ямб в трехстопный. Вот начало позднейшего текста.

Мученье умножая	Ты видишь, что я страстен,
И прелестями маня,	Что я люблю тебя,
Не лести своей, драгая,	Что разум мой не властен
Любовию меня.	Преодолеть себя...

Сначала переработка производилась прямо на старом тексте, путем внесения
в него исправлений; но на этой стадии работа не была доведена до конца. Закон-
ченный новый текст песни находится в позднейшем рукописном томе в собрании ИРЛИ
(здесь он писан рукою писца).

Приведу примеры отрывков неоконченных стихотворений, рассеянных среди
бумаг Державина. Первый из них относится скорей всего к 1790—1791 гг. (так
как увольнение Державина от кабинет-секретарства с переводом в сенаторы в 1793 г.
не было увольнением от службы вовсе).

КАРТИНА СВЕТА

К Полуехтовичу, или ко счастью.
По увольнении от службы автора
179*

Надежда, счастье прощайте,
Довольно вы играли мной
Теперь дружны вы играйте,
Меня пустите на покой
Жизлаз лист (

Спасибо Полуехтыч милой
За хлеб, за соль и за тепло
Твой света оборот игривой
В большое видел я стекло.
Так видел каверзы, затем
И дурь и мудрость всю твою.
Вчерась крючки, днесь портупей
Вскружили голову мою...

Видимо сюда же относится такой набросок:

Ни на кого не нападал,
Лишь защищал и защищался,
Царей и бога прославляя
И сам лишь ими прославлялся...

(Пропускаю 4 стиха, менее отделанные)

Героев зрел не раз в мой век,
Как Полуехтыч их кидает,
Весь ум и блеск их исчезает,
Лишь остается человек...

Ряд отрывков относится к последним годам жизни Державина, частью к войне
с Наполеоном.

Начало стихотворения «Завоевателю Вселенной» набросано на обороте письма
к Державину от 30 сентября 1813 г.

ЗАВОЕВАТЕЛЮ ВСЕЛЕННОЙ

Брось свет, как бисер многоценный
По небу, как по блюду, Фив.
И персты розовы священные
На струны Арфы наложив,
Бряцай, звучи, греми блистая
Как вихрь, из тону в тон летя,

Сквозь тучи вокругъ лежащи, черны,
Твой горній кроючи полетъ,
Носящи страхъ намъ, скорби злыны,
Ты грянулъ наконецъ! — и свѣтъ
Отъ молніи твоей горячей,
Сердца Альпійскихъ горъ потрясшей,
Струей Вселенну пролетѣлъ;
Чрезъ не приспупны переправы,
На высотѣ тѣ новой славы
Явился Сѣверный Орелъ!

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОТДЕЛЬНОГО ИЗДАНИЯ ОДЫ Г. Р. ДЕРЖАВИНА
„ПЕРЕХОД В ШВЕЙЦАРИИ ЧРЕЗ АЛЬПИЙСКІЕ ГОРЫ“ (1800 г.)

Институт Русской Литературы, Ленинград

Как Пиндар дерзко начиная
 Или Гораций как, шутя
 Пой песнью звучной, несравненной
 Завоевателя вселенной.
 Европе наложи[в] оковы
 Из брени сотовря царей
 Занес уж он перун готовый
 На русских тьмы земель, морей
 И мнил завоевать вселенну;
 Но что? о Горе богатырь!
 Ты из орла, став нетопырь!
 У ног кружишься Александра
 Где зев твой, где огонь Саламандра?

Вот законченная строфа:

Я воспел бы тебе гимны
 Как владычице моей,
 Но огни мастики дымны
 Коль святой душе твоей,
 То позволь хоть мне невинно
 Чувствы петь твоих детей
 Отличившихся средь боев,
 Шедших на огонь челом;
 Мы почтим теперь героев
 Лавром, дружбой и вином
 И воскликнем в вечну славу
 Роску бранную державу
 Славу белого царя
 Ура, Ура.

Следующее четверостишие относится повидимому к Наполеону:

Какой тиран со древних веков
 Мог выших зол явить степень;
 Рек: тысящами человеков
 Могу плевать я всякой день.

Следующий отрывок написан на обороте письма к Державину от 3 апреля 1811 г.

ЧЕЛОВЕК

Див средоточие господних
 Объемлющих Зенит, Надир,
 Стихийев связь противоборных,
 О человек! о малый мир.

Затем идет набросок:

На темную ночную сферу
 Свет бледный сыпала луна;
 Так очарованный в пещеру
 Введен я некоей рукой
 Средь дремлющего всюду бору
 Где осязаны, слуху, взору
 Ничто не прикасалось
 В глубокой тишине.

Следующий набросок начала стихотворения относится может быть к 1790—1791 гг., когда Державины заново переделывали купленный ими дом на Фонтанке.

Зодчий Аттики преславный,
 Мне построй покойный дом,
 Вот чертеж и мысли главные
 Мною написаны пером.
 На берегу реки Фонтанки
 Положи...

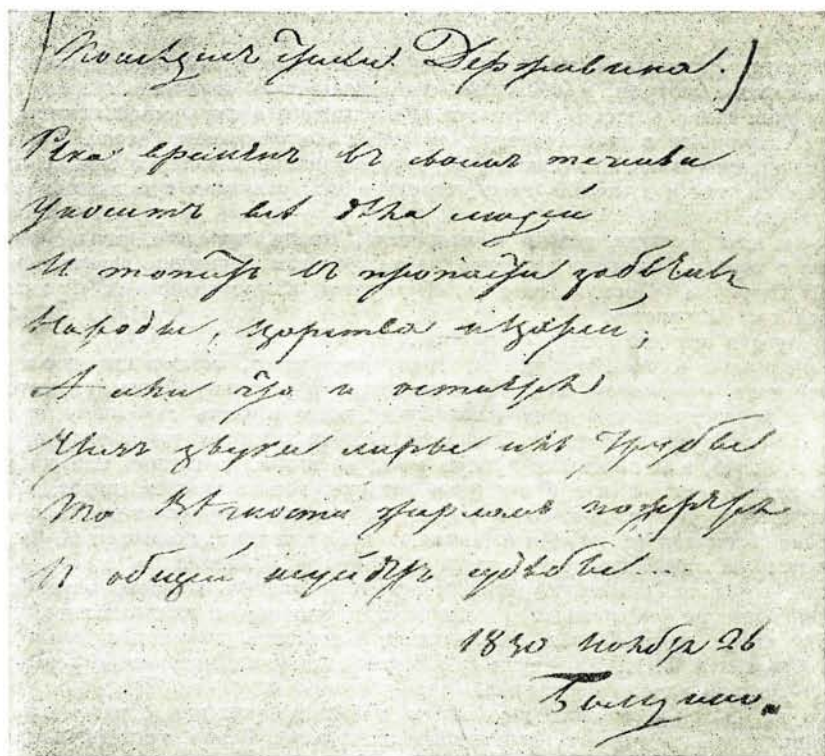
К последним годам жизни относится набросок шуточного романа «Тай и Нета», посвященного собачкам Державина.

РОМАНС «ТАЙ И НЕТА»

Был Тай, была и Нета,
Сошлись они судьбой
От стран различных света
Жить в дом господской мой.

Та маленькая сучка,
Сей кроткий кобелек;
Та лекариша внучка,
Он звался мой сынок.

Их долг—было в лежанье
Все время провождать,
А иногда в игранье;
А иногда брехать.

„ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ ДЕРЖАВИНА“,
ЗАПИСАННЫЕ ПУШКИНЫМ В АЛЬБОМ Б. А. ОСТАФЬЕВА

Автограф ныне утерян

Собрание Б. В. Садовского, Москва

И всякой день доволь[но]
Покушать и попить,
На ложе своевольно
Или на двор сходить.
Такая жизнь приятна
Казалась им текла,
Но чья же не превратна
На свете где была? (конъектура)
Хотя была уж Нета
Не так-то молода,
Очами не зрела света,
Зубами не тверда,

Но Таю показалась
 Богиня в ней собак,
 В взор белизна мешалась (*конъект.*)
 Его пленяла зрак.
 В дни древни и богами
 Ворочала любовь
 И вот она сердцами
 Шутя, зажгла в них кровь.
 По черепья и[х?] белизне
 Глаз черных и носов
 По ног их кривизне
 Одна была в них кровь.
 Или чрез все преграды
 При дверях слезы лил:
 Пел жалки серенады,
 Кастрат, сопран он был.

В «Бумагах Державина» хранятся автографы и списки рукой писаря, проверенные и исправленные автором, и множества его прозаических произведений.

Я говорил выше о второй части его «Рассуждения о лирической поэзии», текст которой сохранился в этом собрании, но не был опубликован Гротом. Эта вторая часть начинается главой, посвященной характеристике и истории жанра кантаты (как светской, так и духовной (здесь говорится между прочим и о истории церковной музыки)).

Дальше идут краткие главки о мадригале, сонете, триолете, рондо, серенаде. В главе о сонете интересно указание на то, что сам Державин перевел свои сонеты из Петрарки («Посылка плодов», «Прогулка», «Задумчивость») с «Буквального перевода г-на Шишкова».

Приведу для примера главку о серенаде.

«Серенада слово Итальянское, означающее вечер, потому что стихотворное сие сочинение, положенное на инструментальную и вокальную музыку, поется при вечере в хорошую погоду пред каким-либо домом в честь любезному предмету. Серенада более употребляется в Гишпании. Будучи препровождаема тихо в безмолвии, в мрачную, или несколько лунную ночь, на цитре, на гитаре, или на каком-нибудь другом инструменте в открытом воздухе, весьма трогает сердце. Само по себе разумеется, что она должна быть нежною, страстного содержания. Греки весьма пристойно называли ее жалобною песнию, пред дверями воспеваемою. Эстетики полагают в сей род Горациеву I части XXV-ю оду к Лиде».

Далее, вслед за примерами стихотворений различных жанров, идет большая глава об оратории, содержащая и исторические сведения, и анализ жанра; затем—глава об опере, напечатанная, затем—глава о романсе, снабженная двумя примерами: «Вахмистр» И. И. Дмитриева (в поздних изданиях Дмитриева «Карриатура») и «Царь-Девница» самого Державина.

Вслед за главой о романсе идут главы о балладе (краткая с рядом примеров) и о стансе (большая глава с историческим экскурсом). В этой последней интересно замечание о рифмах; речь идет о стансах во французской поэзии:

«В сем случае стихи их располагаются таким образом, что веселые чувства изъясняются при окончании каждого станса мужеским стихом, потому что будто мужеские не столько располагают к нежной унылости, сколько женские; но сие может быть свойственно французской поэзии, а в Российской унылость, веселость или нежность не привязаны кажется ни к мужеским, ни к женским стихам, но дают им отгненки те или другие чувства сердца стихотворческого»...

Дальше идет напечатанная глава о песне.

После нее начинается новый раздел «Рассуждения». Здесь дана классификация всей лирической поэзии не по жанрам, а по тематическим типам: у французов—разделение на духовную, героическую, философическую и общежительную оду, у немцев—на размыслительную или философическую, фантастическую (вообразительную) или описательную, «чувственную или чувства одни изъясляющую, смешанную, или те и другие свойства содержащую; но г-н Гецель к оным прибавляет и V-ю так называемую им Амбеическую, или перекликную».

Далее идет объяснение этих терминов и примеры—отрывки из од.

Например об оде смешанной говорится:

«Ода смешенная та же самая и общежительная, о коей говорено выше. Поелику же оба вышеименованные противусмысленные филологи ее допускают, то кажется

и все разделы прочих едва ли не напрасны, потому, что в ней одной стихотворец может говорить обо всем. Похвалая героя, прославлять бога; описывая природу, проповедывать нравоучение и проч. Разность предметов производит разнообразие и рождает изобилие, оказывает остроту ума, как молнию от одного края неба до другого мгновенно устремляющуюся; что возбуждает удивление; но только тут весьма нужно здравомыслие или логика. Поелику в таких смешанных одах удобно помещаются похвалы иносказательные и намеками, которые подобно тонкому благоуханию или тихой гармонии издалече со стороны приносимы увеселяют более сердца чувствительные и благородные, нежели близкое и грубое громогласие или густой фимиамом дым, прямо в лицо куримый, то они и нравятся лучше людям, вкус имеющим. Внезапное же совокупление всех далеких и близких лучей или околичностей к одной точке есть верх искусства; оно-то потрясая душу называется изящным или высоким». Вслед за этим идут примеры из «Оды к Фелице» и др.

Далее дается классификация од по новому признаку на следующие группы: Генетлическая — на день рождения. Эпиталамическая — на брачное сочетание и т. д. вплоть до Просевтической — просительной у бога, у государя или вельмож, и Апологической — басельной.

За объяснением этих терминов Державин отсылает к Способу к сложению стихов Третьяковского, «им выданном в 1735 году». Впрочем тут же он высказывает скептическое отношение к «умничеству», заключающемуся в этой номенклатуре.

Вслед за этим следуют две страницы текста, зачеркнутые автором; в них высказана весьма существенная мысль о том, что в творчестве каждого мастера искусства выражаются черты его индивидуального дарования и потому произведения искусства удобно располагаются не по жанрам, а по характеру личных творческих типов их творцов. Если художники, музыканты, зодчие и ваятели «распознаются... по их характерам, привычкам и вкусам, то для чего бы казалось не различить и не распределить и лирических поэм по именам их славных мастеров, не говоря о их содержаниях, или не ограничивая их, о чем бы они ни были.

Например: оставя духовные неприкосновенными, для чего бы не назвать героической или похвальной оды — Пиндарической. Философической или размышлительной — Горацианской. Страстной или пламенно-любовной — Сафической. Роскошной или веселощутливой — Анакреонтической. Меланхолической или военно-унылой — Оссиянской; Применяясь к почерку или вкусу их, как выше они написаны; Ломоносов более отменен частыми радостными, почти одинаковыми восторгам, величественными картинами и благозвучием, нежели непрерывным парением и глубокими мыслями».

Здесь заканчивается зачеркнутый текст, далее идет исторический обзор форм композиции и стиха лирики.

«Состав, форма, или наружный распорядок од еврейских можно видеть в псалтире, на немецкой язык переведенной славным Мендельсоном, напечатанной 1783 года в Берлине».

Потом описываются оды Пиндара и других греческих поэтов, затем говорится о Горации; к этому месту в рукописи дано приложение, которое в печати должно было быть прибавлено в конце книги с ссылкой на него в тексте.

Это приложение содержит метрические схемы од Горация первых двух книг и названия соответственных строф. Составил приложение (оно занимает 10 страниц) А. Котельницкий.

Затем Державин пишет: «В Германии, в новейшие времена, Клопшток первый ему (Горацию. — *Гр. Г.*) в том последовал, а после его и многих уже видим немецких стихотворцев пишущих свои оды разными формами и разномыслиями стихами с рифмами и без рифм, каковы и у нас ныне появляются. Тредьяковский давно уже о них говорил в способе своем о сложении Российских стихов, изданном им в 1735 году. Там он показал многие примеры, не токмо разномыслии стихов, но и разномыслии куплетов, сказав, что будто не бывает более десятистрочных; но напротив в Пиндаре видим не токмо в строфах и антистрофах, но и в некоторых эподах более нежели по 14-ти стихов. Клопштокову оду для примера прилагаю».

Здесь Державин сделал на полях помету:

«Тут на 102 строки оставить место». Мне неизвестен в его рукописях текст перевода из Клопштока логическими строфами на 100—102 стиха.

Затем Державин переходит к формам поэзии индийской, арабской, персидской, грузинской и скандинавских скальдов (эдды), потом китайской. Наконец Державин дает краткий очерк русской метрики. (Рукопись, изложенная выше, находится в 5-м томе «Бумаг Державина».)

III

Собрание «Бумаг Державина» в Публичной Библиотеке в Ленинграде интересно не только благодаря большому количеству собственно Державинских рукописей, заключающихся в нем, но и по рукописям, относящимся к Державину и просто собранным им и заполняющим в этом собрании целые томы.

Нет необходимости давать хотя бы краткое описание этого собрания целиком, поскольку оно описано по томам в Отчете Публичной Библиотеки за 1892 г. Но я считаю полезным указать некоторые его составные части.

В «Бумагах Державина» сохранилось в рукописях множество стихотворений, ему посвященных и адресованных. Здесь оды и послания, стихи на разных языках, автографы и каллиграфические подносные списки, иногда разукрашенные.

Эти стихотворения как написанные настоящими поэтами, так и составленные дилетантами или же просто неискусными виршеслагателями интересны и сами по себе, и для характеристики значения Державина как деятеля и поэта, характеристики отношения к нему тех или иных групп его читателей и современников.

Кроме стихов, непосредственно адресованных Державину, в его бумагах сохранилось множество рукописных стихотворений (и документов), подаренных ему, переданных ему для отзыва или исправления, или же заинтересовавших его чем-нибудь. Конечно в его архиве много стихов его друзей; так, целый том занят произведениями Н. А. Львова (том 37), и кроме того они встречаются в других томах (38, 39). Попадаются стихотворения Капниста (см. напр. тт. 39, 22), Дмитриева и т. д. Попутно отмечу, что друзья Державина немало исправляли его стихи, хотя далеко не всегда он принимал их исправления. Грот в своем издании Державина опубликовал не все «редакции», предложенные друзьями. Соответственные рукописи есть в бумагах Державина в Публичной Библиотеке.

В многочисленных томах этого собрания мы найдем и стихотворения Котельницкого, и стихотворения В. Миклашевичевой, и целую непристойную поэму Н. Осипова(?), перелицовку «Душеньки» Богдановича и т. д. и т. д.

В виду подъема интереса к судьбе литературного наследия Гете в России в связи с прошедшей только что датой столетия его смерти я приведу здесь два стихотворных перевода из его произведений, также нашедших себе место в Державинском собрании. Они написаны видимо авторской рукой в тетради, в которой вписаны также следующие стихотворения: перевод баллады Шиллера «Журавли Ибика», перевод баллады Лангбейна «Отцеубийца» и стихотворение «Каков Свет? (Рапсодия)», подписанное «В. Бр—ръ». Эта подпись, без сомнения, может быть распространена на все стихотворения тетрадки. Тетрадь заканчивается заметкой (может быть представляющей начало переводной статьи) о Гете, необычайно хвалебного содержания.

Первое приводимое ниже стихотворение—перевод из Гете—написано в тетради дважды; в первом тексте есть поправки. Второй текст чистовой. В тексте второго стихотворения—также поправки, может быть даже рукою Державина.

Оригинал первого стихотворения называется «Verschiedene Empfindungen an einem Platze», второго—«Der Schatzgräber».

РАЗЛИЧНЫЕ ЧУВСТВОВАНИЯ НА ОДНОМ МЕСТЕ

(ПОДРАЖАНИЕ ГЕТЕ)

Д е в у ш к а
Где скрылся мой милой?
Какой это силой
Влекусь я к нему!
Его лишь примечу,
То брошусь на встречу,
Предамся ему.
Ах нет! так забыться,
Чтоб в том мне открыться!..
Скалы и деревья!
Сокройте меня.

Ю н о ш а
Здесь должно прекрасной,
Но ах! и бесстрастной
Быть Девушке, здесь.
Я, как ни пылаю,
Скрывал и скрываю
Страсть сердца по днесь.

Но полно таиться,
Уж время открыться.
Скалы и деревья,
Меж вами она.
Н а с к у ч и в ш и й с в е т о м
Во веки, во веки
(О горы! о реки!
Клянусь вам в том)
Жить в сих местах буду.
Все, все я забуду!
Построю здесь дом.
Здесь сердце не страждет,
И славы не жаждет—
Я с светом простился
И с горем его.
О х о т н и к
Сегодня мне было
И любо и мило

Почти через чур.
Набил я, охотник,
Досужный работник,
И уток и кур.

Какое же счастье
Мне—в ведро, в ненастье!
Да здравствует порох!
Да здравствует дробь!

ВОРОЖЕЙ

(Из Гете)

Беден златом, сердцем болен
Влек я в грусти жизнь несносно.
Нищету терпел поносно,
Вздумал кладу я искать
Быв всем в свете недоволен
Беден—и чего ж бояться?
Лучше дьяволу отдаться:
Он умеет помогать.

Начертил я круг за кругом,
Разложил огонь всеместно,
Ворожить ведь не бесчестно—
Заклинание свершил.
Погоняем недосугом,
Стал искать я клад зарытый;
Звезды тучами покрыты,
Луч блистал, и ветер выл.

Вдруг я вижу свет, похожий
На звезду, в дали, в тумане.
То случилось не ране
Как полночную порой.

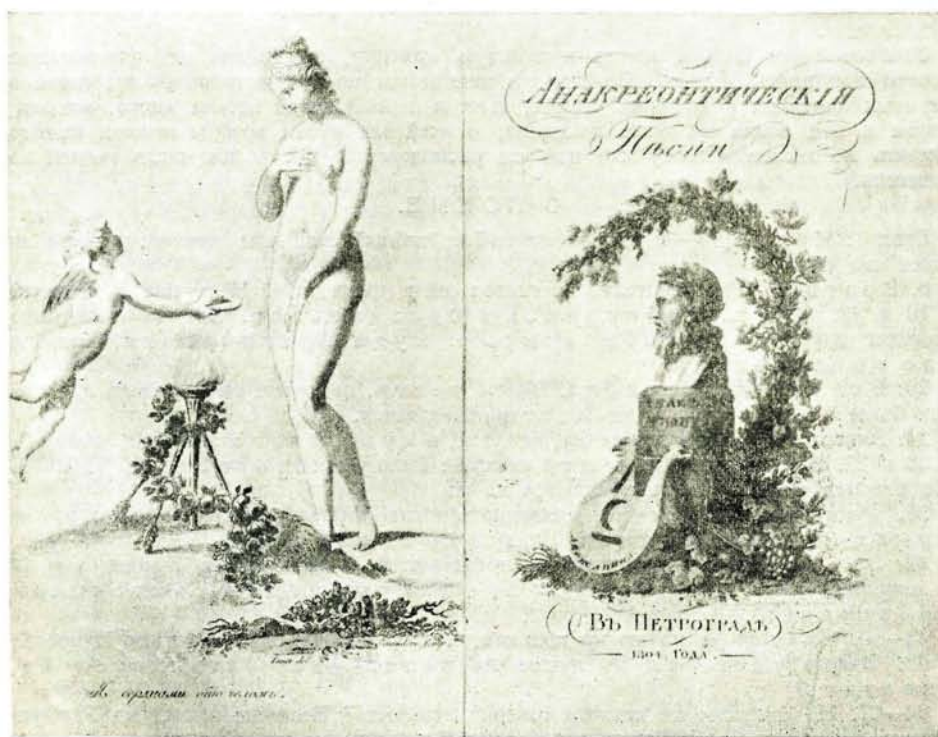
Был ли то какой прохожий
С фонарем, иль черт, иль леший,
Иль безумец в лес зашедший
Нет то Отрок был. Какой?

Отрок милой, Отрок нежной,
На главе с венком, с улыбкой
На устах, веселой, гибкой,
С чашей золотой в руке,
Он рукою белоснежной
Дал мне пить из этой чаши
Что-то, пред чем вины наши,
То же что вода в реке.

Услади свое ты горе,
Он сказал, и ты узнаешь
То, что счастьем называешь;
Перестанешь ворожить.

Ты себе пособишь вскоре,
Естьли днем прилежен будешь,
Вечер придет—все забудешь,
Чтобы с кем поест, попить.

(«Бумаги Державина», т. 39.)

ФРОНТИСПИС И ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА „АНАКРЕОНТИЧЕСКИХ ПЕСЕН“

Г. Р. ДЕРЖАВИНА (1804 г.)

Публичная Библиотека, Ленинград

Из документов, хранящихся в числе «Бумаг Державина» в Публичной Библиотеке, укажу например на любопытные замечания членов «Беседы любителей Российского слова» о литературных произведениях, представляемых на суд «Беседы».

Приведу замечания об ироикомической поэме Шаховского «Расхищенные пубы» («Бумаги Державина», т. 5).

«З а м е ч а н и я 2 разряда о Предисловии.

стр. 1. Шутливым поемам между классическими произведениями почетное место, кажется, не принадлежит.

стр. 2. Италиянского стихотворца Tassoni надлежит, кажется, и по-русски называть Тассони, а не Тассоний, Английского же Prior—Прайер, а не Приор, потому что и в эпитафии его в рифму к его имени поставлено слово higher.

стр. 4. Говоря о Брачиолини, сказано: в комической своей поеме; здесь своей кажется не нужно.

стр. 5. Поема г. Попе на английском названа Похищение Локон, а не Похищенный Локон, The rape of the lock, а не The ravished lock. Многим покажется дико считать, что сия поэма делает сочинителю такую же честь как и Опыт о человеке; не лучше ли бы сказать о ней так, как говорят сочинители Британской Энциклопедии?

Развеселить словесность, выражение несвойственное. стр. 6. Lutrin не довершает славы Боало: он и без сей шуточной поемы был бы славен.

Говоря о поэме Майкова, надлежало бы упомянуть преимущественно о Игроке Ломбера.

стр. 7. Душенька не потому не принадлежит к шуточным поемам, что содержание ее почерпнуто из баснословия и что она написана вольными стихами, но потому, что содержание сие не смешное и слог не шуточный.

Вообще кажется, что в предисловии слог не имеет той живости, какая была бы прилична для приступа к шуточному сочинению. В некоторых местах проза идет стихами. Есть ошибки в правописании; но они, конечно, от переписчика.—Все то, что сказано к лицу Беседы, надлежало бы выпустить: хвалить то общество, в котором сочинитель сам членом, не совсем пристойно; и суд публики страшнее, нежели суд Беседы.

Замечаний же Беседы не за настоящую критику, но только за приятельские советы принимать должно. По сей причине и мы не будем говорить ни слова о игривых картинах и хороших стихах, коих в первой песни весьма много, желаем, чтобы и вся поэма на оные походила, о всей же песни вообще мнения нашего сказать не можем, потому что нам ни расположение поемы ни число песней не известно.

О ПОЕМЕ.

Стих 1. Крамол а—значит междоусобие, тайный скоп или заговор: у места ли здесь сие слово?

8. Возгнел. Употребителен ли глагол сей в прошедшем? Не лучше ли возжег?

10 и 12. Куда... собирались и праздновали. По словосочинению выходит здесь куда собирались и куда праздновали, надобно где праздновали.

20. Все вести, все слова. Вместо вести, не лучше ли поставить речи, тем более что в 23 стихе слово вести повторяется.

24. Вместо ты, муза лучше бы, кажется, о муза, и вместо твоей, своей.

25 и 26. Вместо местоимения кто не хуже было бы которого. 28, 29 и 30. Первые полустиишия все оканчиваются на ы.

30. Родительный падеж множественного числа имени крыло, крил, и крыльев, но не крылиев. Не худо бы избежать и повторения союза уж.

42. Здесь, кажется, веселость принимается в отвлеченном смысле, а в 44 в олицетворенном, и так не можно ли вместо сего поставить со старинной простились?

43—50. Катаются ли ночью на коньках, и зимою может ли оживиться Природа?

62. Вместо удержал не лучше ли хотел удержать, хотел ее схватить?

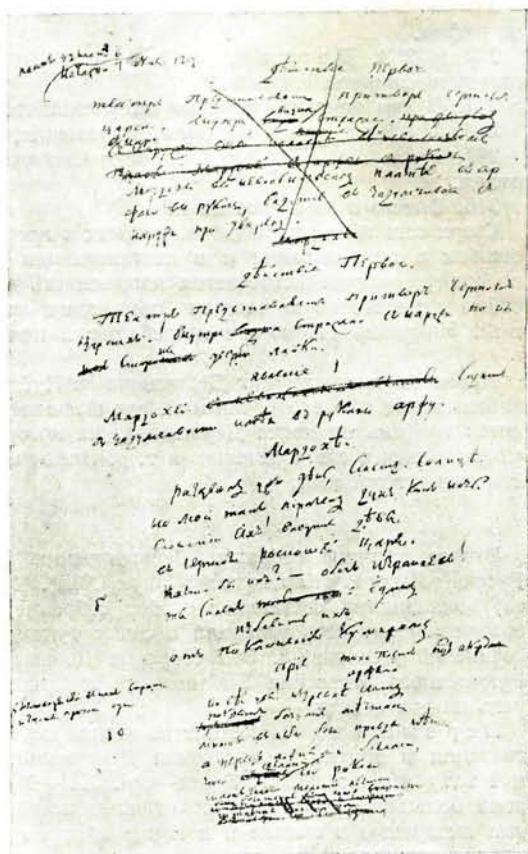
64—67. Не слишком ли сердито говорит веселость? Если же взгляд на Раздора произвел над нею сие действие, то хорошо бы это выразить.

68. Наречие быстро ослабляет смысл глагола мелькнула.

69—73. От огненного чувства, какова ярость, нельзя превратиться в камень, и в очах у камня не можно быть пламени; вышел же из окаменения, скорее возгореться, нежели охладеть можно.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСИ
ОПЕРЫ Г. Р. ДЕРЖАВИНА „ЕСФИРЬ“
(1814 г.)

Публичная Библиотека, Ленинград

75. Бодрый дух прятать. Раздор и всегда духа не слабого. Не в утешение ли себе исчислял он свои подвиги? И пред кем он исчислял их? не воспоминал ли только?

78. Можно ли быть оглушену шипением и шиканием? Не был ли он ими только огорчен или оскорблен?

84. По смыслу как относиться может и к глаголу воспоминает, а по словосочинению показывает уподобление, что он был расхвален, так как в приятельском журнале.

88. Прилагательное пагубные совсем ли дверям прилично?

94. Пир ея у... неприятное стечение гласных.

106. Жребий имеет ли множественное? Если же и имеет, то жребия, но не лучше ли бы здесь поставить участи?

117. Под пухлою щекою конечно описка вместо над пухлою.

139. Родительный падеж мн. числа странствий, а не странствии.

141. Писаний, а не писаньи.

142. Подражанья, а не подражании.

142 и 148. Безчетны повторяется.

149. Мудрствия, а не мудрствии. Но природы мудрствия ушам не приятно.

162 и 163. В шуточной поэме говорить о развращении света и о упадке веры, кажется, не прилично.

182. Не можно ли слова Кипенье заменить каким иным?

187 и 189. Слово тма употреблено в двух различных смыслах; что, кажется, не хорошо.

196 и 217. Стихи начинаются: причина тайная.

Причину тайную так же довольно близко.

221. Рушилось ли сим волшебство? Раздор все еще предстоит в виде деда.

245 и 246. Множественное учреждение и единственное смешение не рифма.

259 и 263. Дерзай, стремись и стремись, дерзай опять повторение слишком близкое.

274. В сем описании хорошо ли уменьшительное спинкой?

276. Найдитесь вдруг, выражение, в сравнении с предыдущими, слабое.

287. Учитель вид. Многим членам не нравятся сии два существительные рядом.

316. Вместо а не лучше ли и?

Сверх сего заметить надобно, что как в предисловии, так и в поэме весьма много ошибок в правописании и в постановлении строчных знаков; против грамматики во многих местах встречается погрешность та, что с глаголами, имеющими пред собою отрицательную частицу не, падеж поставлен не родительный, а винительный. Например ст. 90 не истребляют в нем стыд, вместо стыда.

Кроме собрания «Бумаг Державина» в Публичной Библиотеке хранится упоминавшийся выше том его сочинений, украшенный рисунками Оленина. Здесь же находится грифельная доска Державина, на которой он написал свои последние стихи: «Река времен в своем теченьи» и т. д. Впрочем слова этих стихов почти совершенно стерлись от времени.

IV

Второе крупное собрание Державинских бумаг находится в архиве Института Русской Литературы Академии Наук СССР. Часть бумаг входит в архив Я. К. Грота, большинство составляет особое собрание, также восходящее к Я. К. Гроту, объединившему весь материал в своих руках во время работы над своим изданием сочинений Державина. Это собрание Державинских бумаг поступило в ИРЛИ из Рукописного отделения Библиотеки Академии Наук. Оно распадается в свою очередь на два отдела.

Первый отдел состоит из десяти переплетенных томов, заключающих стихотворения и другие произведения Державина. Они описаны вкратце в предисловии к I тому издания Я. К. Грота—стр. XII—XVI, №№ 4, 6 и 8²,—в том числе три тома большого формата, переписанные набело очень красиво—с рисунками тушью или акварелью в начале и в конце каждого стихотворения (тут же вклеены часто карандашные рисунки, служившие эскизами для этих иллюстраций).

Кроме этих трех томов, конечно не имеющих даже поправок руки Державина, остальные, хотя и написаны в значительной части рукою писца, служили, как видно, рабочими тетрадями. В них много автографов; кроме того Державин часто сильно исправлял списки, сделанные писцом, превращая их в черновики. Таким образом эти семь томов имеют, наравне с первыми томами собрания Публичной Библиотеки, первостепенное значение для изучения текстов и творчества Державина.

Есть в этих томах и стихотворения, не опубликованные Я. К. Гротом. Приведу некоторые:

«ЗА ПРИСЫЛКУ КНИЖКИ ОТ КНЯЗЯ ПАВЛА ГАВР. ГАГАРИНА».

Какие ты прислать имел мне книжку виды?
Ужель оценивать твой ум в ней должен я?
Опасен стрел колчан для жен и дев—Купиды,—
Вот мысль моя.

Это четверостишие относится повидимому к книге П. Г. Гагарина «Эротические стихотворения» (1811 г.; целый ряд библиографов приписывает этот сборник то Григорию, то Гавриилу Гагарину). Принадлежность его Павлу Гагарину удостоверяется, помимо косвенного указания печатаемого здесь четверостишия Державина, сличением стихотворений, помещенных в «Чтении для вкуса, разума и чувства» с подписью К. П. Г., т. е. князь Павел Гагарин, с сборником 1811 г. Может быть четверостишие Державина содержит и злой намек: жена Гагарина была любовницей Павла I; правда, это было дело давно прошедших дней: в 1811 г. не было уже в живых ни Павла, ни Анны Петровны Гагариной. Следующее стихотворение написано около 1810 г.; на нем есть помета «Августа 18 на Званке»

И В А

Развесиста, ветвиста ива.
Белозеленый коей лист,
Приятна тень и тихий свист

Погодки дышущей, для дива
 И для прохлад Харит сзывает,
 Под коей Лиза отдыхает
 На мягком луге в знойный час,
 О как ты ива тем счастлива,
 Что столько прелести зараз
 Зефира порханьем игрива
 Под тканью иногда у ней
 Миг можешь зреть и утешаться;
 Но сколь блаженней!—наслаждаться
 Кто будет уже вечной ей;
 К кому она склоняся главою
 И грудью прилепясь своей
 В томящий час, как ты средь зною,
 В уста прольет вздох с сладких уст,
 И жизни удалит заботы;
 Души своей явя доброты
 Не даст злых чувствовать минут.

На следующем стихотворении есть помета «Июня 4 дня 1811 года на Званке»:

ДЕВИЧЬЯ МОЛИТВА

Амур! Амур! любви бог властный!
 В день самый первый*, майский, ясный,
 Алтарь тебе поставлен мной.
 В саду, в тени древес густой.
 Как* сводом мирт покрыт ветвями
 И огражден вкруг роз кустами;
 Я каждой утренней зарей
 Из лилиев, сплетенных мной,
 Венки тебе там посвящаю
 И в жертву вздохи воссылаю
 Молясь, чтобы принял ее
 Желанье ты свершил мое
 Но ах! то все, то все напрасно,
 Прошла весна и лето красно
 И осень идет уж * на двор,
 А мой не обольщает взор
 Поднесь мущины ни какова.
 Се глас:—будь к ним с умом сурова.

Второй отдел собрания ИРЛИ состоит из большого количества официальных «дел» и документов, относящихся к служебной, административной, общественной и личной жизни Державина, они образуют более двух десятков объемистых связок. Для изучения биографии Державина они содержат большой материал.

Помимо этого собрания в ИРЛИ хранится довольно много отдельных материалов, относящихся к Державину. Здесь имеются автографы его стихотворений, его письма, документы; так в своем роде любопытна карандашная надпись под гравюрой, изображающей философа Платона.

О мудрый аристон! Взираешь ты бесстрастно
 На гордость пышную, на варварство ужасно,
 Глаза твои ни в чем никак тебе не лгут,
 Что свет сей сборище, где дураки живут.

Тут же эта надпись переписана чернилами М. Лобановым (есть его подпись) и сделана им же помета:

«Сочинял и писал Державин у князя Н. Ал. Гагарина».

Между тем эти стихи, которые Лобанов считал экспромтом Державина (его считает автором четверостишия и подробный научно комментированный рукописный каталог собрания ИРЛИ по XVIII веку), представляют собой первые четыре строки из обширного дидактического стихотворения «Речь о равенстве состояний. Перевод», открывающего журнал «Невинное упражнение» 1763 г. (месяц Генварь. Третий стих Державин передал неточно).

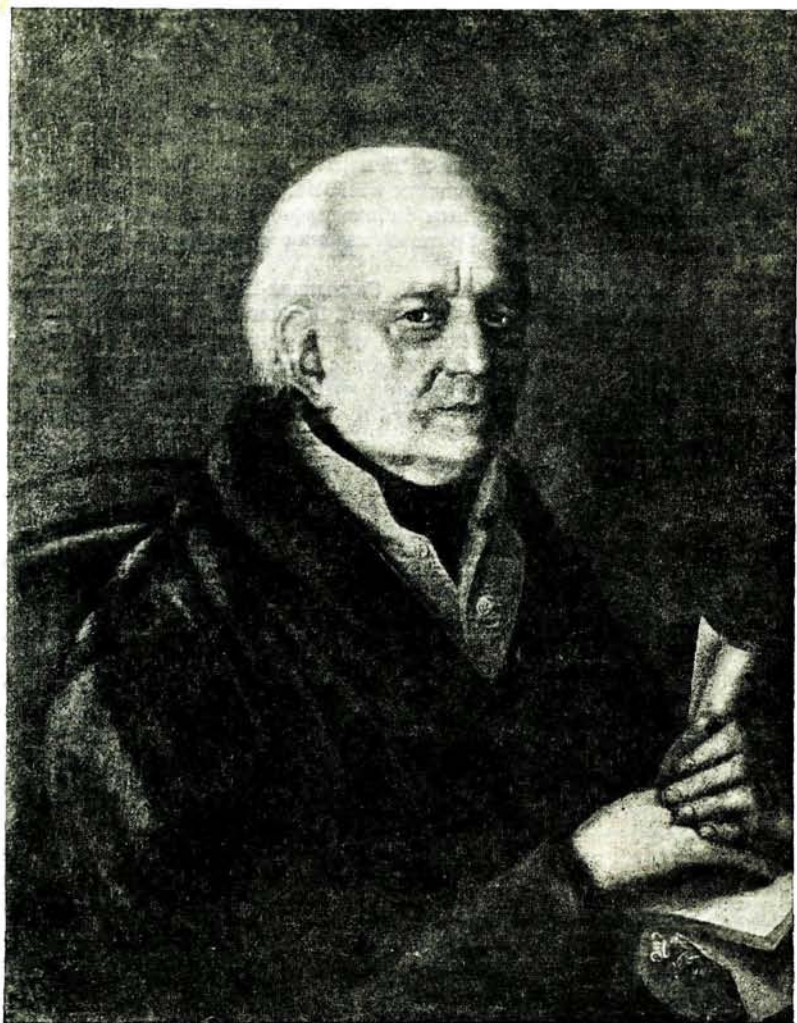
* Звездочкой отмечены конъектуры.

Из писем Державина, хранящихся в ИРЛИ, интересно например письмо его к А. С. Шишкову от 13 января 1814 г., кажется до сих пор неизданное.

Милостивый Государь мой

Александр Семенович.

Вчера у Супруги вашей видел я ваше письмо, в котором вы чрез нее уведомляете меня, что предстательством вашим по моей просьбе государь император пожаловал пенсioen г-же Гетте, дочери покойного Баженова—я чувствительно благодарю вашего превосходительства о напamятовании моей к вам просьбы. Г-жа Гетте мне не знакома, но по убеждению Г-на Политковского, принял в ней участие, зная ваше сострадательное сердце ко всем бедным. Должно делать добро где только можешь. Бог сам за это вам заплатит. Поэтому же самому правилу я отношусь еще к вам с доуками, но ради бога не обременитесь ими и не посетуйте на меня, а что вам можно только, то помогите: ежели ж чего не можно, то оставьте и не беспокойтесь, ибо бог и намерении приемлет за настоящее действие, когда не в силах мы чего сделать. Вот о чем мои просьбы: 1-е) О графе Струтинском, о коем я прежде лично вас просил, а после и чрез письмо мое. Он не токмо лишен крайнею несправедливостию знатного имени, но и подвергнут, за достойную уважения его просьбу государю императору, под уголовный суд чрез г-на Дмитриева в защиту его канцелярии.—И как по суду притеснение его непременно б должно быть обнаружено, то два года уже проходит, а суда не производят и не выпускают его отсюда и на малое время в деревню к его матери, которая думает, что он за какими-либо шалостями здесь зажилсЯ, не присылает ему доходов, и он, не получая содержания, почти умирает здесь с голоду.—Он просит, чтоб его просьбу благоволено было приказать рассмотреть в государственном совете, и особо бы он поручен был в покровительство графа Николая Ивановича Салтыкова, или другому, кому благоугодно будет.—2-е) Прилагаю при сем стихи г-на Язвницкого.—Вы увидите, что они не токмо чем-либо удивительны и отличны, но и весьма посредственны, каковых у нас много, однако ясно доказывают, что он не сумасшедшей, каковым его многие почитают.—Это же правда, что примечается в нем великая меланхолия, по причине той, что на него напало, так сказать, все просвещение, потому что он не чрез него, а по именному государя императора указу получил было по ученой части какое-то изрядное место, то и вытеснили его из оного всякими каверзами, так что принужден он подать просьбу о выпуске его в военную службу, к которой он никак не способен и по слабому здоровью перенести ее не может. Я не могу вам сказать, чем он, находясь при государыне императрице учителем, прослужился, но только знаю, что удален от сей должности и не получает никакого жалованья, не имея собственного куска хлеба. Будьте милосерды, войдите в его бедное состояние и поговорите с г-м Лонгиновым, государыниным секретарем, который, я думаю, всю историю его знает; и естли чего не сделал он законопреступного, то неужто сердце милосердой государыни не тронется его бедностию, узнав, что он без пропитания?—3-е) Прилагаю при сем письмо к земляку, сочиненное Федором Петровичем Львовым для чтения в Беседе.—Оно было апробовано всеми членами и Г-ми Попечителями; но в самой день чтения по политическим каким-то соображениям отменено.—Вы увидите, что в нем ничего кажется нет противного ни политике ни законам; но думаю я по некоторым внушениям тех, которые при открытии Библиотеки заводят подобное чтение и превозносят тех сочинителей, которые им нравятся, не упомянув даже и славных в нашей словесности мужей, как то: Феофана, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и вас.—Как бы это ни было, это состоит в воле сих высокоумных; но я сию бумагу посылаю к вам для того, чтоб не доведены были до слуха императора какие-либо вредные на счет нас слухи. Прошу ее иметь только к вашему сведению, и ежели бы что вы узнали неблагоприятное, тогда можете употребить ее в дело, как вы знаете.—4-е) В доме вашем спознакомился я с молодым человеком г-н Петровым, сыном покойного поэта. Он молодец, преисполненной способностей и дарований; кроме многих языков знает так англинский, что переводит на оный с русских стихов на англиские, кои весьма одобряют здесь живущие англичане, искусные в литературе. Он почти уже перевел на сей язык гимн мой на прогнание французов. Я, чтобы ободрить сего молодого человека, по знакомству с графом Семеном Романовичем Воронцовым намерен перевод его отослать в Лондон для напечатания в пользу сего начинающего расцветать поэта. А как мне хочется украсить оный картинками, которые в подлиннике при заглавии и при конце находятся, то и покорнейше прошу вашего превосходительства, ежели не можно подлинного гимна мне возвратить, то приказать снять с тех картинок копии и с объяснениями о них в том манускрипте находящихся и доставить сколько можно поскорее ко мне,

Г. Р. ДЕРЖАВИН В СТАРОСТИ
 Портрет маслом неизвестного художника
 Русский Музей, Ленинград

дабы я при вскрытии морской коммуникации, мог при переводе послать оные в Англию. Наконец извиняюсь, что так много вас обременяю, надеясь на ваше ко мне благоприятное расположение, уверен будучи, что вы возможное сделаете, а чего не можно, тем не беспокоясь и на меня не прогневайтесь. Пребываю впрочем с истинным моим почтением и преданностию, пожелав вам совершенного здоровья и всех возможных благ,

вашего превосходительства милостивого государя моего
 покорнейший слуга Гавриил Державин.

Генваря 13 дня
 1814 года.
 С.-Петербург.

Р. С. Мы сего Генваря 7 дня отправили кое-как нашу Беседу собранными на скорую руку сочинениями.

(Все, кроме своеручных подписи и приписки,—рукою писца. В пункте 3-м письма—нарек на речь Н. И. Гнедича «О причинах, замедляющих успехи отечественной словесности», произнесенную 2 января 1814 г. при открытии Публичной Библиотеки.)

Особо следует указать хранящуюся в ИРЛИ переплетенную книгу, заключающую первую, наиболее раннюю редакцию объяснений Державина к своим стихотворениям. Текст этой редакции объяснений, относящейся к 1805—1806 гг., до сих пор не издан.

Он был переработан, сокращен и издан в таком виде Н. Ф. Остолоповым в книге «Ключ к сочинениям Державина, с кратким описанием жизни сего знаменитого поэта» отдельно в 1822 г. (Ср. в «Журнале Департ. Народн. Просв.» и в «Сыне Отечества» в 1821 г.). Рукопись, находящаяся в ИРЛИ, представляет собою копию, сделанную В. Г. Анастасевичем, известным библиографом и литератором начала XIX в. (об этой рукописи см. у Я. К. Грота в издании сочинений Державина, т. IX, стр. 279).

Материалы Публичной Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина и ИРЛИ Академии Наук представляют основные фонды рукописей Державина и рукописей, связанных с его творчеством вообще. Тем не менее они не исчерпывают всех архивных данных о Державине. Множество официальных бумаг с его подписью в качестве крупного чиновника (в частности—министра юстиции) имеется в архивах центральных правительственных учреждений (немало их есть и в ИРЛИ в числе бумаг, поступивших от Б. Л. Модзалевского).

Вообще официальная чиновничья деятельность Державина может быть освещена документами учреждений, с которыми он был связан прямо или через промежуточные инстанции.

Из материалов поэтических следует указать еще на переплетенную тетрадь, заключающую по преимуществу «анакреонтические» стихотворения Державина (автографы), находящуюся в Казани, в Рукописном отделении библиотеки Казанского университета (см. Я. Грот—предисловие к I тому его издания сочинений Державина, стр. XV, № 7 и «Вестник образования и воспитания» 1916, кн. 5—6, тут же сведения о других Державинских документах, хранящихся в Казани).

Конечно весьма возможно, что в других архивах и в других городах имеются Державинские материалы. Следует пожелать, чтобы исследователи, знакомые с такими материалами, напомнили о них хотя бы столь же кратко, как это сделано в настоящем обзоре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пользуюсь случаем исправить здесь ошибку, попавшую в мое издание стихотворений Державина (Л., 1933); не располагая в период работы над этим изданием частью материалов, исследованных мною позднее, я датировал там «Лето», основываясь на иных материалах, 1802 годом.

² Сведения о рукописях Державина кроме этого предисловия см. также в брошюре Я. К. Грота «Рукописи Державина и Н. А. Львова», 1859 г. (оттиск из «Известий II отделения Академии Наук»).